

УДК 159.9.075

Афиногенова В. А.
Институт психологии РАН
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА
ИЛЛОКУТИВНОГО ВЫНУЖДЕНИЯ
В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОБЕСЕДНИКОВ**

Аннотация. Исследование посвящено изучению механизма иллокутивного вынуждения, определяющего необходимость высказывания определённого типа в ответ на реплику собеседника. В нём приняли участие 15 детей 4–5 лет из одной группы детского сада. Было проанализировано 10 разговоров общим объёмом 591 реплика. Анализ показал, что в разговорах детей преобладают иллокутивно зависимые реплики. Нарушение механизма иллокутивного вынуждения сопряжено с появлением иллокутивно независимых реплик. В исследовании получены новые данные, характеризующие механизм иллокутивного вынуждения, а также описаны модели «вербально-невербального» взаимодействия.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, детский дискурс, интен-анализ, механизм иллокутивного вынуждения, модели «вербально-невербального» взаимодействия, иллокутивно зависимые и независимые реплики

V. Afinogenova
Institute of Psychology RAS
13 korp. 1 Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation

**FUNCTIONING OF ILLOCUTIONARY MECHANISM
IN SPEECH INTERACTION**

Abstract. This research was associated with illocutionary mechanism which determined necessity of special type replica as a reply for interlocutor's replica. 15 children aged 4 to 5 years going in one kindergarden group participated in our research. We analyzed 10 dialogues which had 591 replicas. The study shows that illocutive dependent replicas dominates in child dialogues. Confusion of illocutionary mechanism connected with illocutive independent replicas. New findings about illocutionary mechanism were available, and models of "verbal-nonverbal" interaction were described in this study.

Keywords: speech interaction, child discourse, intent-analysis, illocutionary mechanism, models of "verbal-nonverbal" interaction, illocutive dependent and independent replicas

Введение

Тема речевого взаимодействия неизменно привлекает внимание исследователей. Достижения в этой научной области соотносятся с развитием коммуникативного подхода и междисциплинарной дискурсивной парадигмы. Большой вклад в изучение речевого взаимодействия собеседников вносят исследования конверсационного анализа, которые позволяют реконструировать базовые принципы согласования реплик [21, 22, 23, 24 и др.], а также исследования разговорной речи, в которых раскрывается влияние ситуационных и коммуникативных факторов на протекание взаимодействия [4, 9, 12]. При этом многие вопросы до сих пор остаются открытыми.

Особенно важной представляется проблема психологических механизмов, которые объединяют реплики партнёров в единое целое. В этой связи перспективным представляется подход, известный как интен-анализ [15]. В его основе лежит представление о том, что интенции субъекта составляют психологическую основу дискурса и во многом обуславливают его характер. В рамках данного подхода характеризуются

интенциональные особенности политического, научного, психотерапевтического, семейного, студенческого и других видов дискурса [5; 6; 7; 10; 13 и др.]. В частности, на материале повседневного студенческого дискурса показано [1], что организацию речевого взаимодействия определяют взаимосвязанные интенциональные паттерны, которые отражают актуальные интенции субъектов общения и отклик партнеров на их проявление. Процесс интенционального согласования реплик отличается гибкостью. Полученные результаты акцентируют активную роль субъектов общения, побуждая к изучению роли механизма иллокутивного вынуждения в организацию диалога.

Целью данного исследования является изучение этого механизма на материале детского дискурса в непринужденной ситуации. Несомненно, изучению детской речи посвящено множество работ [3; 8; 17; 18; 19; 20 и др.]. При этом сам процесс речевого взаимодействия и соотношение в нем иллокутивно вынужденных и независимых реплик требует дальнейшего изучения. В связи с этим задачами данного исследования являются получение новых данных об особенностях функционирования механизма иллокутивного вынуждения, анализ интенциональных оснований повседневного детского дискурса и характеристика общей структуры взаимодействия маленьких собеседников.

Сформулированы следующие эмпирические гипотезы:

1. Иницирующая реплика говорящего определяет реализацию иллокутивно зависимой реплики собеседника;
2. Иллокутивно зависимые ответные реплики сочетаются в процессе взаимодействия с иллокутивно независимыми репликами субъектов общения;
3. Иллокутивно зависимые реплики содержат безотлагательный отклик собеседника;
4. Иллокутивно независимые реплики порождают новую линию диалогического взаимодействия и усложняют его структуру.

Методика

В исследовании приняли участие 15 детей в возрасте от 4 до 5 лет, посещающих одну группу детского сада. Объектом исследования стали разговоры в ситуации повседневного детского общения, в процессе свободной игры в группе. Было записано 10 разговоров разной продолжительности, с разным количеством собеседников, общим объёмом 591 реплика. В разговорах принимали участие дети и взрослые (педагоги детского сада). Однако реплики детей в речевом материале преобладают (62,8 %).

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом «скрытого магнитофона» [16]. Аудиозаписи были транскрибированы с опорой на методики Аткинсона-Херитаджа и Китайгородской-Розановой [11; 25]. Для выявления интенций собеседников применен метод интен-анализа, который позволяет осуществлять реконструкцию интенций по продуцируемой речи [15].

Результаты и их обсуждение

Проведенный интен-анализ речевого материала позволяет описать интенциональный состав детского дискурса. Обнаружено, что речь маленьких собеседников содержит те же категории интенций, что и речь взрослых коммуникантов. Наиболее частотны такие категории, как «информировать» (55 случаев реализации), «пояснить» (53 случая), «похвастаться» (46 случаев), «привлечь внимание» (33 случая), «выяснить» (29 случаев).

Вместе с тем речь юных коммуникантов имеет свои интенциональные особенности. Так, интенция «выразить понимание» встречается крайне редко (2 случая, $n=531$). Эта категория интенций типична для дискурса взрослых [14] и свидетельствует о сформированном навыке активного слушания коммуниканта. При этом у детей присутствует

интенция «заявить желание / потребность» (15 случаев), которой не выявлено в речи взрослых, что указывает на недостаточную коммуникативную гибкость маленьких собеседников. Также маленькие собеседники в своих разговорах манифестируют такие интенции, как «выразить протест», «напугать», которые необходимы для оказания прямого, невуалированного, воздействия на собеседника и не типичны для взрослых собеседников. Вместе с тем в детской речи значительно выражены интенции «похвастаться» (46 случаев), «показать своё превосходство» (20 случаев), «привлечь внимание» (33 случая), которые свидетельствуют об эгоцентризме юных собеседников.

Обращаясь к отдельной реплике собеседника, стоит отметить, что она может содержать одну или несколько актуальных интенций субъекта общения. На материале детского дискурса показано, что в речи детей преобладают моноинтенциональные реплики (58,2 %), тогда как в речи взрослых моно- и полиинтенциональные реплики появляются со сходной частотой (50,9 % к 49,1 % соответственно), что может свидетельствовать о большей чувствительности взрослых к динамике развития разговорной линии. Вместе с тем полиинтенциональные реплики в речи детей реализуются чаще, чем можно было предполагать (41,8 % общего числа реплик детей), что говорит о достаточно развитом понимании интенционального подтекста высказываний и формировании навыков интенциональной выразительности. Проведенное сравнение с речевыми материалами повседневного студенческого дискурса, которые были исследованы ранее [2], показало, что соотношение моно- и полиинтенциональных реплик в речи собеседников сохраняется: также преобладают моноинтенциональные реплики (57,2 %), хотя доля полиинтенциональных реплик тоже значительна (42,8 %).

В процессе анализа речевых материалов были выделены иллокутивно зависимые (ИЗР) и независимые реплики (ИНР). Оказалось,

что ИЗР в разговорах преобладают (n=496, что составляет 83,9 % общего числа реплик). Собеседники высказываются, отвечая на иницилирующую реплику партнера, тем самым реализуется механизм иллокутивного вынуждения («Ух ты / что это //» – «**Радуга // Вот только цвета смылись как бы //**»). Эти факты подтверждают первую и вторую эмпирические гипотезы.

Выявлено, что большинство иллокутивно зависимых реплик (84 %) содержат безотлагательный (в последующей реплике) отклик собеседника (как в примере выше), что подтверждает третью эмпирическую гипотезу. Случаи отсроченного (спустя несколько реплик) отклика на сказанное собеседником немногочисленны (2,8 %) («**Ар. захотел конфетку //**» – «**А я торт хочу //**» – «**А я хочу конфету вместо печеньки //**»). Случаи множественного (безотлагательного и отсроченного) отклика более многочисленны (9,2 %) («**Я ем камфетки //**» – «**Он любит зеленых конфеток //**» – «**Если А. съест конфетку / то он / заболеет //**»). В отдельных случаях отклик на сказанное носит невербальный характер и проявляется в ответных действиях собеседника (4 %) («**Можно обнять / Б. //**» – «**Можно //**» – Д. обнимает Б.).

Нарушение механизма иллокутивного вынуждения происходит при появлении иллокутивно независимых реплик. Они составляют 16,1 % общего числа реплик и сопряжены с проявлением коммуникативной инициативы собеседником («**Ты что ешь / П. //**» – «**Мовковку и огучик //**» – «**Да //**» – «**А. / кушай / пожалуйста //**»). Интересно, что значительно чаще подобные реплики появляются у маленьких коммуникантов (82 случая, или 86,3 % общего числа ИНР). Дети более прямолинейны и с легкостью манифестируют свои актуальные устремления.

Варианты проявления ИНР в разговоре неоднородны. В одних случаях собеседник таким образом начинает новую линию разговора (38 % случаев, n=95). В других случаях говорящий, реализуя иллокутивно

независимую реплику, возвращается к прежней линии развития разговора (33,9 % случаев). Также коммуникант может реализовать иллокутивно независимую реплику в рамках текущей линии разговора (28,1 % случаев), к примеру, повторно манифестируя неотрагированные ранее интенции или пытаясь изменить общую линию разговора.

Нарушение механизма иллокутивного вынуждения приводит к изменению общей структуры речевого взаимодействия. Она становится прерывистой, хотя сохраняет свой линейный характер. В ней обнаруживаются перебивания и постоянные смены текущей линии обсуждения. Эти факты подтверждают четвертую эмпирическую гипотезу.

Выявлено, что чаще всего собеседника перебивают маленькие коммуниканты (25 случаев из 29). Они проявляют торопливость, стремятся немедленно реализовать свои интенции, не дожидаясь своего коммуникативного хода и не учитывая устремления своих собеседников.

Ещё одним интересным фактом являются случаи так называемого «вербально-невербального» взаимодействия (n=144). Собеседники взаимодействуют не только вербально, но и посредством действий, обусловленных коммуникативной ситуацией. Подобные предметные действия позволяют говорящему быстрее и подчас понятнее донести до собеседника свои актуальные устремления.

Выделено несколько моделей такого взаимодействия, которые представлены на рисунке 1. Рассмотрим их более подробно.

Модели 1 и 2 отражают варианты отклика на реализованную интенцию. В первом варианте (модель 1) отклик осуществляется в последующем действии собеседника (17 случаев).

Пример. Собеседник А. спрашивает разрешения обнять Б. Собеседник Б. разрешает, в ответ на что А. обнимает его.

А: Можно обнять / Б. // Можно //

Б: Ага //

А. обнимает Б.

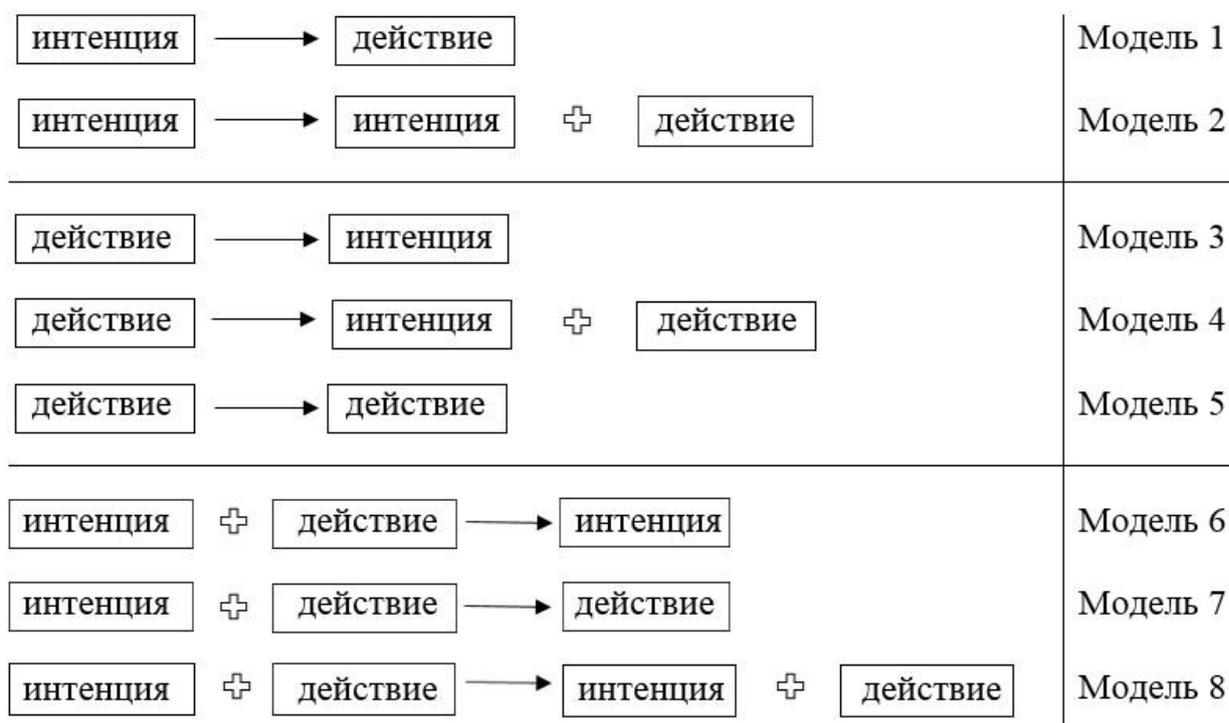

Рис. 1. Модели «вербально-невербального» взаимодействия собеседников

Во втором варианте (модель 2) собеседник отвечает коммуниканту, реализуя актуальную интенцию и совершая определенное действие (27 случаев).

Пример. Собеседник А. просит передать ему лопатки. Собеседник Б. выполняет просьбу А., протягивая ему лопатки.

А: Передайте эти оранжевые лопатки / пожалуйста //

Б. передаёт лопатки, говоря: Ну на / возьми эти оранжевые лопатки //

Модели 3–5 отражают варианты отклика на совершенные действия. Это может быть интенциональный отклик (модель 3) (14 случаев).

Пример. Собеседник А. забирает стакан с карандашами, на что следует возмущенная реакция Б. с попыткой выяснить причину такого действия.

А. забирает стакан с карандашами и ставит рядом.

Б: Эээ // Что ты забвал //

В ответ на действие собеседника может быть реализована актуальная интенция и соответствующее действие, как в модели 4 (4 случая).

Пример. Собеседник А. даёт Б. свой рисунок для подписи. В ответ на это собеседник Б. его подписывает, подводя итог сделанному и побуждая собеседника забрать свой рисунок обратно.

А. протягивает рисунок Б. для подписи.

Б. подписывает его и возвращает, говоря: *Держи // Все / это теперь твоя машина // Теперь точно не потеряется //*

Ещё одним вариантом реагирования может стать ответное действие собеседника (модель 5) (2 случая). Хотя эта модель не содержит интенциональной составляющей, она включена в общую структуру коммуникации и может рассматриваться как одна из возможных моделей.

Пример. А. показывает, как ставить мисочки для строительства дома. Б. и В. повторяют, стараясь построить такие же домики.

Модели 6–8 отражают варианты отклика на «вербально-невербальные» действия говорящего. В одном случае отклик носит интенциональный характер (модель 6) (25 случаев).

Пример. Собеседник А. указывает на определенное место и побуждает остальных оставить животных именно здесь. В ответ на это собеседник Б. поясняет, что у него только лошадка и других животных нет.

А. указывает на определённое место, говоря: *Всех животных можно пока сюда //*

Б: *Вот у меня есть пока одна лошадка //*

В другом варианте собеседник совершает некоторое ответное действие, что отражено в модели 7 (4 случая).

Пример. Собеседник А. спрашивает, где его рисунок-машина. Б. отвечает, что не знает и предлагает поискать, указывая на стол. А. подходит к столу и ищет свой рисунок.

А: *Где моя машина //*

Б: *Не знаю // Иди ищи / вот там в общей стопке //* (Б. указывает на стол с рисунками)

А. идёт к столу и перебирает рисунки в поисках своего.

Наиболее многочисленны случаи, в которых собеседник реализует актуальную интенцию и совершает действие в ответ на выраженную интенцию и соответствующее действие коммуниканта (модель 8) (51 случай).

Пример. Собеседник А. интересуется, нашел ли Б. свой рисунок с машинами. Б. показывает рисунок и сетует, что это не его. Тогда А. указывает на другой рисунок, спрашивая о его принадлежности. Б. отвечает, что это также не его рисунок.

А: Что / Б. / ты так и не нашел свои машины //

Б. показывает рисунок, говоря: Вот это вот не моя //

А. указывает на другой рисунок, спрашивая: Так / а вот эта //

Б: Вот это тоже не моя //

Выводы

Повседневный детский дискурс содержит те же интенциональные категории, что и дискурс взрослых. Наиболее частотны – «информировать», «пояснить», «похвастаться», «привлечь внимание», «выяснить». При этом речь юных коммуникантов имеет свои интенциональные особенности, которые указывают на её эгоцентричность, а также на недостаточную коммуникативную гибкость маленьких собеседников.

Выявлено, что в речи детей преобладают моноинтенциональные реплики. Хотя доля полиинтенциональных реплик также велика, что свидетельствует о достаточно развитом понимании интенционального подтекста высказываний и формировании навыков интенциональной выразительности.

Обнаружено, что в разговорах детей преобладают иллокутивно зависимые реплики (ИЗР). Реализуется механизм иллокутивного вынуждения, который определяет необходимость высказывания

определенного типа в ответ на иницилирующую реплику собеседника. Большинство ИЗР получают безотлагательный отклик собеседника.

Нарушение функционирования механизма иллокутивного вынуждения сопряжено с появлением иллокутивно независимых реплик (ИНР). Варианты проявления ИНР в разговорах неоднородны. В одних случаях их появление сопряжено с началом новой разговорной линии, в других – с возвращением к прежней линии разговора, в третьих ИНР реализуются в рамках текущей линии взаимодействия.

Нарушение механизма иллокутивного вынуждения приводит к изменению общей структуры речевого взаимодействия. Она становится прерывистой, хотя сохраняет линейный характер. В ней обнаруживаются перебивания и постоянные смены текущей линии обсуждения.

Обнаружены случаи так называемого «вербально-невербального» взаимодействия: собеседники совершают речевые и предметные действия, обусловленные коммуникативной ситуацией, в ответ на реализованную речь или действия партнера общения. Описано несколько моделей такого взаимодействия. Наиболее многочисленны случаи, в которых собеседник реализует интенцию и совершает действие в ответ на иницилирующую интенцию и действие говорящего.

Планируется продолжить изучение механизма иллокутивного вынуждения на материале других видов дискурса, что позволит получить новые данные об особенностях его функционирования. Особенно интересным представляется дальнейшее изучение ИНР: причины их появления в диалоге и побуждающие к этому факторы, а также различия в их проявлении у детей и взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афиногенова В. А. Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: дис. ... канд. псих. наук. М., 2015. 234 с.
2. Афиногенова В. А. Речевое взаимодействие собеседников в диалоге // Психология когнитивных процессов: сборник статей / под ред. В. В. Селиванова. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. С. 16–26.
3. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014. 424 с.
4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
5. Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А. Реализация отношений доминирования-подчинения между членами семьи в повседневном дискурсе // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 75–87.
6. Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А. Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 201–219.
7. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. 368 с.
8. Елисеева М. В. Становление индивидуальной языковой системы ребенка М.: Языки славянских культур, 2015. 344 с.
9. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблема обучения. М.: Наука, Флинта, 2004. 240 с.
10. Кириллова Е. Ю. Интенциональная структура слова в психотерапевтической помощи другому // Мир психологии. 2014. № 2. С. 190–201.

11. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
12. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
13. Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в различных видах дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 185–204.
14. Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А. Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
15. Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 151 с.
16. Русская разговорная речь. Тексты / сост. Г. А. Барина, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе и др. М.: Наука, 1978. 307 с.
17. Ушакова Т. Н., Бартенева З. С. Психологическое содержание речи ребенка 3–5 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 56–64.
18. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: учебное пособие для студентов вузов. 4-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 316 с.
19. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка: учебное пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2017. 240 с.
20. Шахнарович А. М. Детская речь в зеркале психоллингвистики: лексика, семантика, грамматика. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 165 с.
21. Drew P., Heritage J. Talk at work. Cambridge: Cambridge university press, 1992. 520 p.

22. Heritage J. Conversation analysis: Practices and methods // Qualitative research: Theory, method and practice, 3rd edition / ed. Silverman D. - L.: Sage, 2011. - P. 208-230.
23. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // Language. 1974. V.50. No.4. Part 1. P. 696-735.
24. Schegloff E.A. Repair after next turn: The last structurally provided defense of intersubjectivity in conversation // American Journal of Sociology. 1992. V.97. P. 1295-1345.
25. Structures of Social Action: Studies in Conversation analysis / ed. Atkinson J. M., Heritage J. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 464 p.

REFERENCES

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Афиногенова Виктория Алексеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской Академии наук; e-mail: viktoriyamail87@mail.ru

Viktoriya A. Afinogenova – PhD in Psychological sciences, Researcher at the Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: viktoriyamail87@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Афиногенова В. А. Функционирование механизма иллокутивного вынуждения в речевом взаимодействии собеседников // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Afinogenova V. A. Functioning of illocutionary mechanism in speech interaction. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Статья поступила 05.06.2019